

Пришедшим действительно оказался Кай.

Поднявшись на крышу, он не взглянул ни на труп в углу, источающий запах крови, ни по сторонам в поисках возможных ловушек. Его даже не удивило присутствие Дун Цзиня. Он просто стоял под бесконечным лунным светом и произнёс низким, небрежным тоном:

— Я только сегодня узнал, что дверь на крышу заперта.

— Так скажи мне, Дун Цзинь. Если дверь на крышу всегда была заперта, и на ней нет следов взлома... как ты, будучи иным, шесть дней назад спустился отсюда на первый этаж?

Хоть момент был не самый подходящий, Дун Цзинь не удержался от мысленного подкола в адрес остывшего неподалёку У Ли:

"Эх, У Ли, У Ли, поучись у человека — вот это я понимаю, умение выхватывать главное. Будь у тебя хоть треть способностей Кая, разве бы я смог застать тебя врасплох?"

Закончив внутренний монолог, Дун Цзинь отбросил все эмоции и молча всмотрелся в фигуру Кая, окутанную тенью.

Несмотря на поздний час, иной по-прежнему был облачён в тёмно-красный костюм.

Единственное отличие — узор на пиджаке больше не представлял собой хаотичное переплетение геометрических фигур. Теперь, благодаря искусной игре красного и золотого, в

нѐм угадывался силуэт шута.

В другой ситуации Дун Цзинь, возможно, с интересом оценил бы эстетический вкус Кая. Но не сейчас.

Потому что взгляд Кая изменился.

Сейчас он напоминал зверя перед охотой, небрежно выжидающего, когда добыча сама угодит в ловушку.

Кай — не У Ли.

В такой ситуации оправдания бесполезны, остаётся только сражаться.

Приняв решение, Дун Цзинь отбросил ненужное притворство. Небрежным движением сорвав с шеи чёрный галстук, он использовал его как временную ленту, чтобы собрать мешающие длинные волосы.

Кай не мешал ему, казалось, даже с удовольствием наблюдал за этими приготовлениями.

Не только потому, что давно жаждал отведать Дун Цзиня, но и потому, что сегодня тот был одет именно в тот костюм, который Кай лично выбрал пять дней назад. Дун Цзинь и так соответствовал его вкусам, а теперь и вовсе попадал во все его предпочтения.

Поэтому, даже не зная его истинной личности и целей, Кай был готов подарить ему грандиозный финал.

Когда Дун Цзинь неторопливо завязал последний узел, он шаг за шагом двинулся к Каю.

В момент, когда их разделяла лишь тонкая грань, а Кай всё ещё не двигался, Дун Цзинь атаковал первым.

Его правая рука легла на рукоять кинжала на левом боку, и первый удар вспыхнул молнией.

В тот миг, когда Кай откинулся назад, уходя от атаки, Дун Цзинь изменил хват. Зажав рукоять кинжала между указательным и средним пальцами, он молниеносно крутанул его, перебросил в левую руку и, развернув лезвием вниз, нанёс второй удар снизу вверх.

Сразу же после этого он отпустил левую руку, позволив всё ещё вращающемуся кинжалу свободно падать, и в бесконечном вращении тот вернулся в правую руку для третьего удара — справа налево.

Эти три удара, раз начавшись, обрушились подобно грому, вся непрерывная атака уместилась в какие-то три секунды.

Но даже эта впечатляющая комбинация оставила на шее Кая лишь неглубокий порез.

Увидев это, Дун Цзинь молча стряхнул кровь с острия кинжала.

Хотя этими тремя ударами он лишь прощупывал возможности Кая, пытаясь оценить, сколько жизненной силы потребуется, чтобы одолеть противника, но даже в те три секунды, не пожертвовав ни капли жизни, он максимально активировал "Око истины" и довёл до предела все боевые навыки, освоенные за тысячу ночей.

Он действительно не ожидал, что в итоге Каю достанется лишь такая царапина.

Более того... Дун Цзинь, вспоминая движения Кая, когда тот парировал кинжалом его атаки, медленно растянул губы в полунасмешливой-полупрезрительной улыбке.

За те тысячу смертоносных полуночей он бесщётное количество раз сражался с Лэй Мином, владеющим алебардой. Поэтому прекрасно знал, какую стойку принимают бойцы, привычные к длинному оружию.

Несомненно, излюбленным оружием Кая был не кинжал, но даже с ним он двигался с небрежной лёгкостью.

— Ему не победить Кая.

В этот момент жестокая правда предельно ясно встала перед глазами Дун Цзиня.

Он не стал оправдываться тем, что сам не слишком искусен с кинжалом, чтобы прикрыть это

поражение.

Не может победить — значит не может, в той короткой схватке, казавшейся полной смертельных намерений, Кай даже не сражался в полную силу.

Дун Цзинь думал, что та дерзкая мощь, которая даже на инстинктах остаётся настолько сильной, что вгоняет в отчаяние, существует только у таких безумцев, как Лэй Мин. Но сегодня этот NPC первого испытания безмолвно показал ему, что всегда найдётся кто-то сильнее, всегда есть новые высоты.

Впрочем, неважно. Если нельзя победить умением, можно победить ценой жизни.

Как в те тысячу полуночей.

На мгновение успокоив разум, Дун Цзинь прикрыл глаза, а когда открыл их вновь, в нём не осталось и следа суетливости.

Кай заметил эту перемену в Дун Цзине. Но то ли из-за присущей высшим существам гордыни, то ли считая исход предрешённым и не видя смысла в лишних действиях, он не только не воспользовался моментом для атаки, но даже поднял голову к ночному небу, где висела ясная луна, и произнёс:

— Сегодня я любовался луной, когда внезапно учуял доносящийся сверху запах крови, и словно по наитию направился на крышу.

— До этой ночи я редко открывал окна и никогда не поднимался сюда. Но почему-то именно сегодня меня потянуло. Поэтому я открыл окно, поднялся на крышу, поэтому увидел тебя.

— Дун Цзинь, возможно, ты не осознаёшь, но стоит тебе появиться в ночной тьме, как непременно появляется луна.

— Мне любопытно, если сегодня ты умрёшь здесь, упадёт ли луна на землю?

Услышав это, Дун Цзинь тоже приподнял веки и бросил взгляд на луну, затем холодно ответил:

— Ты ошибаешься кое в чём.

— Не я появляюсь — и появляется луна. А потому что божество, владеющее луной, наблюдает за мной, луна бесчисленное количество раз является.

Это никогда не было благосклонностью луны — это бог ночи следил за ним.

Кай, словно заинтересовавшись этой темой, спросил с непонятым подтекстом:

— В твоей вселенной действительно существуют боги?

Услышав это, Дун Цзинь впервые за ночь улыбнулся.

— Боги, конечно, существуют в этом мире.

— Просто никогда не существовало бога, который любил бы меня.

После этих коротких фраз в прежде безмолвном воздухе внезапно раздался тихий смешок, который мог слышать только Дун Цзинь.

Это смеялся Лэй Мин.

Усмехнувшись, Лэй Мин, не обращая внимания на череду вопросительных знаков в чате комментаторской трансляции, поднялся с места и покинул комментаторскую кабину.

За её пределами бог ночи и драмы больше не сдерживался и произнёс то ли с предупреждением, то ли с насмешкой:

— Дун Цзинь.

О событиях этой ночи на крыше Лэй Мин знал всё доподлинно.

Ещё в первую полночь, когда появился Кай, он узнал в нём одно из воплощений Фэя, но тогда Лэй Мин не придавал этому значения.

Ведь Фэй, как бог праздника высшей вселенной, больше всего любил развлекаться — запечатывать память, надевать обычное лицо и входить в испытательное поле "божественного выбора" было для него обычным делом.

Но Лэй Мин никак не ожидал, что, увидев Кая — или, вернее, Фэя — во второй раз в ночи, тот окажется в таком состоянии.

Если описывать, то сегодняшний Фэй напоминал зверя в период гона.

Он не только много говорил, но и позволял противнику накапливать силы, нарушая все мыслимые правила боя.

Какая жалость. Если бы тогда, когда они сражались за божественный ранг драмы, этот тип был настолько небрежен, его могильная трава давно бы поднялась на десять чжанов, и он не мозолил бы глаза сейчас.

Мало того что положил глаз на тот же божественный ранг — теперь ещё и непонятно с чего нацелился на ту же добычу.

Он действительно устал от этого надменного безумца.

Совершенно не осознавая, что его собственное безумие превосходит безумие Фэя, Лэй Мин подавил тысячи обид и старых счётов с Дун Цзинем, накопившихся за бесчисленные полуночи, и растянул губы в совершенно диком оскале:

— Дун Цзинь, назови моё имя.

Вновь услышав своё имя, Дун Цзинь на крыше наконец убедился, что прежний голос в ночи ему не почудился.

Это действительно Лэй Мин говорил с ним.

И сейчас это божество всё тем же мрачным голосом продолжало властно приказывать:

— Назови его.

— В ночи ты абсолютно непобедим.

Зная Фэя почти десять тысяч лет, Лэй Мин лучше всех понимал его характер.

Раньше он не обращал особого внимания, но стоило заметить — и Лэй Мин тут же осознал: Дун Цзинь именно тот тип человека, в которого Фэй влюбляется с первого взгляда.

Пусть Лэй Мин никогда не верил в подобную чушь как любовь, но он не мог отрицать: если в высшей вселенной действительно существует так называемая любовь с первого взгляда, так называемое мгновенное очарование, то первым, кто определил и воплотил эту концепцию, несомненно был Фэй.

Потому что он — бог праздника, и его жизненное кредо — стремиться лишь к мгновениям высшего блаженства.

А нынешний Дун Цзинь уже почти достиг того мгновения, которого жаждал Фэй.

Поэтому Лэй Мин не мог позволить Фэю и дальше фокусировать внимание на Дун Цзине.

Он потратил тысячу полуночей, исчерпал все свои ресурсы, чтобы наконец отыскать след Дун Цзиня в реальности — и вовсе не для того, чтобы Фэй перехватил его добычу.

Дун Цзинь — его единственный божественный избранник.

До завершения ритуала "божественного Отбора" он не позволит никому даже прикоснуться к нему.

<http://bllate.org/book/13401/1193049>